



О ГЕГЕМОНИИ, ПРИЗНАНИИ РАЗЛИЧИЙ И СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ЗНАНИЯ

Труфанова Елена Олеговна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: eltrufanova@gmail.com



В статье рассматривается ситуация в современной эпистемологии, которая характеризуется появлением представлений о т. н. альтернативных эпистемологиях, противопоставляемых классической эпистемологии. Демонстрируется связь альтернативных эпистемологий с представлениями о классовом сознании у Карла Маркса и развитии его идей у представителей нео- и постмарксизма (А. Грамши, Э. Лаклау, Ш. Муфф). Делается акцент на исследовании понятия «ложного сознания» как основания для понятий идеологии и гегемонии. Анализируется понятие гегемонии в нео- и постмарксизме, демонстрируется, как его применение отражается на представлениях о научном знании: ряд авторов утверждает, что наука является агентом гегемонии, помогая поддерживать иллюзию объективности существования тех или иных явлений. Представители этой позиции – социальные конструкционисты, феминистские философы и др. – предлагают говорить о равноценности позиций различных социальных групп, каждая из которых обладает особым дискурсом, выражающим специфичное для данной группы «знание». Показывается, что в данных позициях понятие «знание» утрачивает универсальность, приравнивается к частными представлениям о мире, актуальным лишь внутри конкретных дискурсов. Делается вывод, что по сравнению с идеями постмарксистов и социальных конструкционистов позиция К. Маркса (из которой они черпают ряд ключевых положений) является предпочтительной – одновременно с представлениями о классовом сознании, Маркс отводит важную роль также индивидуальному субъекту, позволяя сочетать универсалистские представления о знании и учет не просто групповых различий, но и каждой индивидуальности.

Ключевые слова: эпистемология, альтернативные эпистемологии, знание, гегемония, социальная конструкция, социальный конструкционизм, постмарксизм, К. Маркс, субъект, дискурс

ON HEGEMONY, ACCEPTANCE OF THE DIFFERENCES AND SOCIAL CONSTRUCTION OF KNOWLEDGE

Elena O. Trufanova – PhD in Philosophy, leading research fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya Str.,
Moscow, 109240, Russian
Federation;
e-mail: eltrufanova@gmail.com

The paper analyzes current situation in epistemology that is characterized by the appearance of the so called alternative epistemologies opposing the classical epistemology. The ties between alternative epistemologies and Karl Marx' class consciousness concept and its development in the neo- and postmarxist works (by A.Gramsci, E.Laclau, Ch.Mouffe) is demonstrated. The research is focused on the concept of "false consciousness" that serves as a basis of the concepts of ideology and hegemony. The concept of hegemony in neo- and postmarxism is analyzed, it is shown how its application is reflected in the research of scientific knowledge: some authors claim that science is an agent of hegemony and it helps to maintain the illusion of the



objectivity of the existence of certain phenomena. The proponents of this position – social constructionists, feminist philosophers et. al. – suggest to accept the equal value of the positions of different social groups each of which holds its own special discourse that helps to express the “knowledge” specific to this certain group. It is shown that such position sees “knowledge” as no longer universal, the knowledge is equaled to local understanding of the world. The conclusion is drawn that the position of K. Marx that gives basis to many claims of postmarxists and social constructionist is more favorable in comparison to them, because Marx whilst speaking of class consciousness assigns an important role to the individual subject. It allows to combine both universalistic understanding of knowledge and account not only for group differences, but for each individuality.

Keywords: epistemology, alternative epistemologies, knowledge, hegemony, social construction, social constructionism, postmarxism, K. Marx, subject, discourse

В последние десятилетия XX вв. представления об эпистемологии как универсальной теории познания были поставлены целым рядом исследователей под сомнение. Как следствие, возникают идеи о существовании множественных эпистемологий – альтернативных «европоцентристской» «маскулинной» традиции. Можно выделить три основные линии атаки на классическую эпистемологию – со стороны феминистской философии (представители классической эпистемологии – мужчины и, соответственно, выражают взгляд на мир мужчин, исключая другие гендерные точки зрения), со стороны «черной» (или более широко – «колониальной») философии (философы из бывших колоний с неевропейскими культурами утверждают, что представители западной философии навязывают европейский взгляд на мир представителям других культур) и со стороны нео- и постмарксистских философов (утверждающих, что взгляд на мир пролетариата более точен и должен получить предпочтение перед доминировавшим ранее буржуазным взглядом или хотя бы получить равные с ним права) [Mills, 1988]. Так, общей презумпцией оказывается утверждение о том, что претендовавшая на объективность, нейтральность и универсальность классическая эпистемология является не более чем выражением определенной идеологии белых мужчин-европейцев, представителей господствующих классов. Критика классической эпистемологии и движение на ее место так называемых альтернативных эпистемологий (женских, черных, «квир» и т. д.) [Деблассио, 2010] становится результатом вторжения политики в сферу знания, любое знание объявляется политически ангажированным. В противостоянии тому, что многие представители альтернативных эпистемологий называют «тоталитарным» или «тотализирующим» дискурсом, неизбежно возникает ассоциация с марксистской традицией – традицией борьбы маргинализованных социальных групп против «власть предержажших».



Эта риторика, несомненно, отсылает в конечном счете к представлениям о классовом сознании и классовой борьбе, сформулированным Карлом Марксом. Влияние работ Маркса на западную философию конца XIX и всего XX вв. трудно переоценить. Несмотря на схематичность, «тезисность» собственно философского учения Маркса (а может быть, в первую очередь именно благодаря этой схематичности, отсутствию проработанной самим автором философской системы), оно зачастую начинает выступать в роли определенной парадигмы, которая развивается не столько на основе работ самого Маркса, сколько в работах его последователей и поздних интерпретаторов. Так, одной из важных, «парадигмообразующих» идей Маркса становится его идея классового сознания, конструируемого в рамках общественных отношений. Возможно, в этом и состоит одно из главных противоречий между позициями Маркса и поздних разновидностей марксизма: Маркса интересует не только класс, но и отдельный человек в полном гуманистическом смысле этого слова. Однако гуманистический посыл Маркса остался в тени политического, индивид растворился в социуме. Тем не менее в текущей ситуации в эпистемологии именно возвращение к индивидуальному субъекту оказывается наиболее востребованным.

«Ложное сознание» и гегемония

Хорошо известно высказывание Маркса «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс, 1959, с. 7]. Однако Маркс отмечает, что в этом кроется опасность возникновения «ложного сознания» (сам Маркс данный термин не использовал, его предложил Фридрих Энгельс [Энгельс, 1966]), одной из основных форм которого является идеология. Идеология представляет собой у Маркса тот тип «ложного сознания», мировоззрения, который формируется в интересах определенного класса, обладающего властью, и навязывается прочим – угнетенным – классам как нечто само собой разумеющееся, как естественное положение вещей.

Марксова идея «ложного сознания» и его концепция идеологии получают более широкое развитие уже в неомарксизме – в работах Д. Лукача [Лукач, 2003], Л. Альтюссера [Альтюссер, 2011] и А. Грамши [Грамши, 1991]. Последний вводит понятие гегемонии, в частности культурной гегемонии – навязанных господствующим классом норм, которые должны быть признаны временной, «случайной» социальной конструкцией, а не естественным и неизбежным положением дел. Вслед за этим в постмарксизме была сформулирована так назы-



ваемая «дискурсивная теория гегемонии» аргентинского политолога Эрнесто Лаклау и бельгийского политического философа Шанталь Муфф, в которой марксистские представления об идеологии были соединены с постструктуралистскими концепциями языка и дискурса. В конечном счете эта линия понимания «ложного сознания», идеологии и гегемонии вливается в обширный круг исследований в рамках социального конструкционизма и феминистской философии. Нас будет интересовать прежде всего эпистемологический срез данной проблемы: как ситуация гегемонии влияет на *знание* и в первую очередь на научное знание? И действительно ли это влияние столь всеобъемлюще, что мы не можем говорить о каком-либо знании в принципе, не подвергая его постоянной политической деконструкции? Или эпистемология в самом деле распадается и на ее месте появляется целый «букет» различных эпистемологий, отвечающих системам «знаний» тех или иных сообществ?

Представляется, что именно понятие «ложного сознания» является здесь одним из ключевых. Сознание людей, согласно Марксу, формируется под влиянием конкретных экономических условий: представители экономически доминирующего класса (капиталисты у Маркса) задают идеологию данного общества, а представители угнетенного класса (наемные рабочие) воспринимают сложившиеся обстоятельства, в том числе и свое угнетенное положение, как естественное положение вещей, поскольку идеология постулирует их как таковые. Таким образом, то, что считается *знанием* о мире, оказывается результатом идеологического конструирования, выдающего за знание не то, что есть на самом деле, а то, что удобно определенной группе людей. Угнетенный класс с его таким образом сформированным «ложным сознанием» оказывается не в состоянии увидеть свои истинные интересы. Тем не менее, согласно Марксу, в какой-то исторический момент «прозрение» все же наступает, «ложное сознание» отбрасывается, и это служит началом революции, преобразования мира в соответствии с истинными интересами угнетаемого ранее класса. Главный вопрос заключается в том, откуда приходит это осознание, как одерживается победа над «ложным сознанием». Необъясненность этого момента рассматривается некоторыми теоретиками как главная проблема исторического материализма [Филлипс, Йоргенсен, 2004]. Ответом на этот вопрос, на мой взгляд, могут являться представления Маркса о человеке как активном самостоятельном субъекте.

«Ложное сознание» можно преодолеть именно потому, что субъект способен смотреть за пределы интересов своей группы. Если в социальном конструкционизме – одном из главных направлений, разрабатывающих альтернативные эпистемологии, – индивид является заложником социальных отношений, в которые он включен, он в плену у того взгляда на мир, который разделяет его социальная группа



[Труфанова, 2018], то у Маркса, по словам Эриха Фромма, «...человек – это сырье, которое нельзя изменить в плане его структуры (например, устройство мозга с доисторического времени). И в то же время человек действительно изменяется в ходе истории, развивается, трансформируется, является продуктом истории, а так как историю творит он сам, то и себя самого он творит тоже сам» [Фромм, web]. Маркс отстаивает активную роль человека в изменении этих формирующих сознание обстоятельств. В третьем тезисе из «Тезисов о Фейербахе» он пишет: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан» [Маркс, 1955b, с. 2], и потому, согласно одиннадцатому тезису, «дело» заключается в том, чтобы изменить мир. Маркс подчеркивает, что индивидуальное сознание формируется общественным бытием, но оно же служит для того, чтобы изменить это бытие, а значит, оно способно выйти за пределы существующих социальных отношений. Таким образом, у Маркса индивид не только способен, но и в каком-то смысле обязан вырваться из плена социальных конструкций, навязанных ему при рождении, ради изменения мира и самого себя. В отличие от социальных конструкционистов, полагающих, что индивидуальное сознание растворяется в социальных связях, у Маркса индивид использует социальные связи и идентификации как материал, питательную среду для активного самоконструирования.

Однако этот гуманистический оптимизм Маркса относительно потенциала человека быть творцом самого себя и менять себя и мир в работах его последователей в основном утрачивается. Возможно, это связано с тем, что Маркс своими идейными корнями ближе к немецкой классической философии, подчеркивающей сильные позиции индивидуального субъекта. У последователей же Маркса индивидуальный субъект исчезает и возникает акцент на социальных группах и том, как мировоззрение и система знаний этих социальных групп формируются под влиянием идеологии, на том, как возникает и функционирует «ложное сознание». Субъект в данных исследованиях полностью растворяется в классовой позиции группы, к которой он принадлежит. Так, в социальном конструкционизме о субъекте в целом в принципе ничего говорить нельзя – лишь об отдельных его идентичностях, или о позициях, которые он занимает в различных дискурсах [Davies, Harré, 1990].

Классик европейского неомарксизма Антонио Грамши показывает [Грамши, 1991], что одной только идеологии господствующего класса недостаточно, чтобы сохранять определенный *status quo* в обществе, – необходима гегемония, под которой понимается специфиче-



ская организация социального согласия относительно определенного порядка вещей [Barrett, 1992], такого согласия, которое на самом деле будет маскировать реальные интересы людей. Недостаточно просто постулировать определенную идеологию, необходимо сделать ее неотъемлемой частью культуры. Это согласие, полагает Грамши, подерживается за счет самого гражданского общества, ведомого рядом идеологов-практиков.

Лаклау и Муфф [Laclau, Mouffe, 1985] в своей ключевой работе «Гегемония и социалистическая стратегия» связывают неомарксистское понятие гегемонии с понятием дискурса. С их точки зрения, в отличие от Маркса, полагавшего, что разделение общества на классы является объективным и диктуется исключительно экономическими условиями и процессами (так, экономика по Марксу предопределяет разделение на пролетариев и капиталистов), никаких объективно существующих социальных групп не существует, все они возникают в результате определенных политических процессов. Существуют дискурсы, настолько прочно укоренившиеся в нашем сознании, что мы не видим их альтернатив. Например, дискурс наших представлений о детях как об особой социальной группе со своими специфическими характеристиками, отличающими их от подростков или взрослых, кажется нам естественным положением вещей и не подвергается сомнению, тогда как несколько веков назад дети рассматривались как «маленькие взрослые» [Aries, 1962]. Именно такого рода дискурсы диктуются гегемонией.

С точки зрения Лаклау и Муфф, ключевую роль играет следующее обстоятельство: ни один из дискурсов не является объективно данным. Само понятие объективности они полагают практически неотличимым от понятия идеологии. Как трактуют это положение скандинавские специалисты по исследованию коммуникаций и дискурс-анализу Марианн Йоргенсен и Луиза Филлипс: «... объективность является термином, обозначающим нечто, что кажется данным и неизменным, и что приобретает значение, отнюдь не связанное с отличиями от чего-либо другого. Но это только “по-видимому”, и это причина, почему теория дискурса приравнивает объективность и идеологию. Все значения и все дискурсы – изменчивы; объективность как бы “маскирует” изменчивое, скрывая альтернативные возможности значений, которые могли бы возникнуть» [Филлипс, Йоргенсен, с. 65].

Итак, все дискурсы изменчивы, что ведет к тому, что и личности формируются не под влиянием предписанных изначально классовых характеров (благодаря принадлежности к определенному классу): идентичности людей складываются различно в зависимости от различных дискурсивных процессов. Возможность существования множества различных дискурсов, в которых приходится действовать субъекту, может приводить к конфликту различных идентичностей,



к примеру, классовой и национальной (классический пример доминирования классовой идентичности над национальной – марксовский интернациональный призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в котором подчеркивается, что общность классовых интересов выше национальных различий рабочих разных стран). Этот конфликт Лаклау и Муфф назвали антагонизмом. Для того чтобы разрешить подобные конфликты, и необходимо вмешательство гегемонии – именно она будет диктовать, какую идентичность считать главенствующей. Так, когда в Первой мировой войне представители разных европейских стран начинают воевать друг против друга, это становится возможным потому, что гегемония диктует приоритет национального дискурса перед классовым и прочими и люди делают выбор в пользу своей национальной идентичности как наиболее важной – гегемония преодолевает антагонизм и разрешает конфликт. Таким образом, Лаклау и Муфф не рассматривают наличие идеологии или гегемонии как что-то отрицательное, они фиксируют их необходимость для существования каких-либо устойчивых представлений о мире, в том числе того, что мы называем знанием о мире. Однако с их точки зрения мы должны признать, что любой доминирующий дискурс является случайным, он порождается политическими процессами, приведшими к установлению определенной гегемонии.

Научное знание между гегемонией и радикальной демократией

Нужно подчеркнуть, что работы Лаклау и Муфф посвящены прежде всего анализу общества, их главная цель – попытаться продемонстрировать, что нет никаких объективных социальных явлений, независимых от политических процессов, разделение общества на социальные группы – это результат политического выбора: пока не появится дискурс, определяющий некую общность людей как отдельную социальную группу, такой общности попросту не существует. Однако в работах ряда их современников нео- и постмарксистская критика распространяется не только на область непосредственно политической деятельности, но и на анализ научного знания, при этом речь идет не исключительно о социальных или гуманитарных науках: любая наука видится как носитель идеологии. Под влиянием этих концепций возникает ситуация так называемого «социологического» или «социального поворота» в философии науки. Как показывает итальянский философ науки Эвандро Агацци, этот «поворот» связан с сочетанием двух традиций – неомарксизма в Европе и социологии знания в США. «Европейские неомарксисты утверждали... что наука относится к



“идеологии” данного общества в смысле, придуманном Марксом и Энгельсом, т. е. продукту экономической структуры этого общества, в котором господствующий класс использует интеллектуальные и институциональные средства для защиты и легитимизации своих привилегий» [Агацци, 2017, с. 592]. Наука в таком подходе представляется сугубо утилитарным предприятием – наука пытается не познавать мир, а создавать под видом познания истины такие описания мира, которые служат обоснованием существующего социального и политического порядка. При этом наука претендует на то, что ее знание объективно, что оно относится к реальности такой, какая она есть сама по себе, безотносительно политических интересов и субъективных пристрастий. Однако, повторим тезис Лаклау и Муфф, объективность по сути воплощает идеологию: то, что объявляется объективным знанием на самом деле – результат воздействия гегемонии на выбор того, а не иного дискурса, который мы начинаем видеть как единственно возможный (и потому кажущийся нам объективным), тогда как остальные возможности просто перестают нами замечаться.

В последней четверти XX в. в исследованиях в сфере философии науки и социологии научного знания на первый план выходит вопрос о социальной и политической ангажированности знания, его зависимости от гегемонии, и получают распространение дискуссии, названные за их остроту «научными войнами» [Труфанова, 2017b]. В этих «войнах» одна сторона (которую представляли в основном сторонники социально-конструкционистского подхода и феминистской философии) утверждала, что наука выступает инструментом идеологии и потому не говорит ничего о реальности, лишь выражает видение мира с определенных политических позиций, а другая сторона отстаивала позиции научного реализма и идеал объективности научного знания. При этом первые однозначно ассоциировались с политическим «левым» движением, не в последнюю очередь именно из-за специфической риторики, критикующей науку за поддержку позиции политического «большинства» и борющейся за возможность маргинализированных социальных групп получить право голоса, в том числе для формирования собственного научного дискурса.

Так, ряд феминистских авторов, вдохновленных марксистскими идеями о том, что знание зависит от классовой позиции, высказывал предположение, согласно которому женщины как угнетавшийся в течение долгого времени класс обладают более острым чувством реальности и, как следствие, являются более точными исследователями [Hartstock, 1983; Rose, 1983; Smith, 1974], нежели представители доминирующего класса. Этот тезис вызывает сомнение, поскольку зачастую именно взгляд угнетенных групп может являться особо пристрастным, сконцентрированным на своей «больной» теме и, в свою очередь, маргинализирующим другие взгляды. По сути, претензия на



большую точность знания у представителей маргинальных групп ничем не отличается от еще одной идеологии с заявкой на гегемонию. Другая проблема заключается в том, что, во-первых, женщины также представляют собой неоднородную социальную группу и, во-вторых, не только женщины могут выступать как маргинализованный группа. Можно говорить и о других гендерных группах, а также различных национальных, классовых, этнических, культурных, профессиональных и т. п. социальных группах, каждая из которых может претендовать на то, что именно принадлежащее ей «знание» является самым точным. Однако интересы этих групп будут различаться, и ни одна из них не может претендовать на полную справедливость по отношению ко всем угнетенным группам.

Признавая подобные проблемы, большинство социальных конструкционистов предлагает следовать требованию равного «права голоса» для всех социальных групп в высказывании их представлений о реальности. Лаклау и Муфф, в свою очередь, считают необходимым установление радикальной демократии – демократии, которая не просто будет постулировать свободу и равенство для всех, но и будет признавать все существующие в обществе различия. Либеральная демократия, утверждают они, подавляет различие мнений и взглядов на мир разных социальных групп, поддерживая политическое «большинство», но радикальная демократия будет не просто учитывать и признавать все различия и антагонизмы, но и непосредственно зависеть от них. Консенсус точек зрения разных социальных групп в радикальной демократии не только невозможен, к нему и стремиться не нужно, поскольку именно в сохранении равноправными антагонистических позиций и состоит суть радикальной демократии.

Когда обозначенная позиция переносится на анализ науки (как это делают социальные конструкционисты), мы вынуждены признавать различия «знаний» разных социальных групп и рассматривать их как равноправные и самоценные. Любое знание может пониматься только как «ситуационное знание» [Труфанова, 2017a], уместное только в узко определенной социокультурной ситуации. Но если мы придерживаемся этой позиции, то, пытаясь дать право голоса всем маргинальным группам, мы, скорее всего, потеряем возможность сохранения каких-либо кросскультурных универсалий, а значит, как верно отмечает британский социальный психолог Вивьен Берр, окажемся неспособными на какие-либо дальнейшие коллективные действия [Burr, 1998]. Другое следствие заключается в том, что требование предоставить право голоса различным социальным группам часто игнорирует какие-либо критерии демаркации между научными и не-научными картинами мира, по сути, настаивая на том, чтобы в научное познание могли быть инкорпорированы элементы не-научных и даже нерациональных картин мира – к примеру, местные куль-



турные и религиозные традиции ряда бывших европейских колоний предлагается рассматривать как равноправную альтернативу европейской науке. Следует признать, что не-научные картины мира действительно могут вносить свою лепту в научные исследования, породить новые ассоциативные связи, становиться источником научных метафор и т. п. Тем не менее представляется, что не стоит сочетать элементы этих разных картин мира как равноправные составляющие научных теорий, а именно это предлагается сделать, предоставляя «право голоса» в науке разным социальным группам. Так, к примеру, женский «голос» в науке может быть не менее важен, чем мужской, но не на основании одного только факта, что он является женским, – недостаточно иметь просто другую «перспективу» видения проблемы, нужно еще и уметь обосновать полезность этой перспективы для решения поставленной задачи, вписать ее в уже имеющуюся систему знаний, которая строится с использованием универсальных принципов, отобранных исходя из критериев научности и пренебрегающих социокультурными различиями.

Признавая равноценность подобных «ситуационных знаний», мы затрудняем себе возможность поиска общности, поиска согласия. Признание различий между позициями разных социальных групп крайне важно, но не менее важно и признание сходств, признание каких-либо общих ценностей, в том числе ценностей, связанных с научным поиском, таких как критерии научности знания. Без подобных общих критериев развитие науки не представляется возможным, а социальные группы замыкаются в собственных границах и теряют стремление к диалогу. Здесь следует еще раз обратить внимание на понимание Лаклау и Муффа гегемонии как необходимого условия существования устойчивых знаний о мире. Т. е. мы должны не просто признавать различия, но и признавать тот факт, что антагонизмы неизбежно должны быть сняты, если мы хотим, чтобы наше знание вообще было применимо в мире, состоящем из множества различных социальных групп, каждая из которых обладает собственными интересами и, как следствие, собственной «перспективой видения». Для того чтобы мы могли установить какое-либо полезное взаимодействие между дискурсами различных социальных групп, мы должны иметь также общий, объединяющий их дискурс. Как верно отмечает Э. Агацци, наука уже «показала себя самым мощным межкультурным дискурсом, который может быть понят и проверен людьми, принадлежащими к культурам и обществам, максимально удаленным друг от друга. Это возможно потому, что фундаментальной характеристикой науки является интерсубъективность, существующая не только между отдельными учеными, но и между сверхиндивидуальными сущими, какими являются общества и культуры» [Агацци, 2017, с. 597]. Здесь уместно вспомнить о представлениях Маркса о научном труде как



всеобщем, принадлежащем всем людям. Нарушение этого принципа всеобщности (в разных его смыслах) «становится сегодня одной из самых больших проблем, порожденных усилением социальной роли науки и амбивалентного характера этоса науки и взаимоотношений науки и социальной сферы» [Яковлева, 2017, с. 149]. Таким образом, мы приходим к выводу, что дискурс науки может выступать как гегемония, но эта гегемония необходима для того, чтобы принцип всеобщности продолжал соблюдаться, ученые могли взаимодействовать друг с другом и наука продолжала свое развитие.

Возвращение к индивиду

Таким образом, вопрос о различных эпистемологиях разных социальных групп, как и вопрос о различных версиях науки, является лишь частным случаем общей проблемы – проблемы взаимодействия между отличными взглядами на мир разных человеческих сообществ, обладающих несхожими мировоззрениями. Представляется, что главной слабой стороной постмарксистских и социально-конструкционистских исследований является не только акцентирование различий представителей разнородных социальных групп – различий их мировоззрений, дискурсов, «знаний», но и сам акцент на «групповые» позиции, растворяющие в себе индивида. Здесь, как мне кажется, Марксова позиция имеет преимущества, поскольку, говоря о классовых интересах, Маркс не забывает об индивидуальном субъекте, который способен становиться выше «ложного сознания» и в конечном счете выходить за рамки классов в стремлении к реализации собственно человеческого потенциала. Маркс пишет в «Немецкой идеологии», что «...именно потому, что мышление, например, есть мышление данного определенного индивида, оно остается его мышлением, определяемым его индивидуальностью и теми отношениями, в рамках которых он живет...» [Маркс, 1955а, с. 253–254], т. е. социальные отношения формируют сознание индивида, но индивидуальные черты при этом никуда не исчезают, индивид не растворяется в социальной общности, к которой он принадлежит.

В то время как постмарксисты и социальные конструкционисты сосредотачиваются на подчеркивании различий между социальными группами, Карл Маркс является универсалистом и рассматривает человечество как в конечном счете стремящееся к целостности и согласию, к преодолению различий. Однако это единство не должно означать унификацию индивидуальных личностей, их подчинение тоталитарному дискурсу подобно тому, как это описывают в различных утопиях (и антиутопиях), – поскольку человек, по Марксу, сможет в



конечном счете преодолеть отчуждение и полностью реализовать себя в творческом труде, обрести свободную индивидуальность [Маркс, 1968]. Как верно отмечает В.М. Межуев, у Маркса «...мерой человечности человека является то, насколько он в процессе деятельности способен творить по мерке не какого-то одного, а любого вида, т. е. универсально, быть свободной индивидуальностью, определяемой в своем жизненном существовании исключительно лишь собственной природной одаренностью и достигнутым уровнем культурного развития» [Межуев, 2007, с. 81]. Именно в этом, как представляется, и состоит подлинное признание различий – позволить каждому индивиду реализовывать свои способности в полной мере, не загоняя его в жесткие рамки «группового» дискурса.

Несомненно, каждый из нас является частью тех или иных сообществ и в различных ситуациях оказывается во власти характерных для них «дискурсов». Но ни один из нас не является частью только одной социальной группы, и наше сознание без существенных сложностей способно переключаться с одного дискурса на другой, сохраняя при этом постоянство нашей личности, нашу личностную идентичность. Это демонстрирует, что индивидуальный субъект, хоть он возникает и развивается в процессе различных социальных взаимодействий и коммуникаций, все же не растворяется в социальном без остатка, и мы способны, меняя «перспективы видения», сохранять доступ к одним и тем же знаниям. Таким образом, мы можем сделать вывод, что эпистемология – классическая эпистемология, а не одна из множества «альтернативных» – представляет ценность именно в том виде, в котором она существует, – как дисциплина, изучающая отношения человека и знания, а не многообразии различных существующих точек зрения на мир: ее цель – в поиске универсалий, которые в конечном счете могут быть важны для любого человека, а не в пестовании узкогрупповых различий. Именно поэтому возвращение к индивиду, к отдельно взятому человеческому субъекту, представляется таким важным – это не стремление к индивидуализму и субъективизму, а наоборот, путь к интерсубъективности и к признанию ценности не просто каждой социальной группы, но каждого индивидуального субъекта.

Список литературы

- Агацци, 2017 – *Агацци Э.* Научная объективность и ее контексты. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.
- Альюссер, 2011 – *Альюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // *Неприкосновенный запас.* 2011. Т. 77. № 3. С. 14–58.
- Граммши, 1991 – *Граммши А.* Тюремные тетради. Часть первая. М.: Политиздат, 1991. 560 с.



Деблассио, 2010 – *Деблассио А.* Новые тенденции в альтернативных эпистемологиях // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2010. Т. 23. № 1. С. 160–172.

Лукач, 2003 – *Лукач Д.* История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.

Маркс, 1959 – *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 1–167.

Маркс, 1955a – *Маркс К.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 7–544.

Маркс, 1955b – *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 1–4.

Маркс, 1968 – *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 1–560.

Межуев, 2007 – *Межуев В.М.* Маркс как теоретик истории, общества и культуры // *Межуев В.М.* Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. С. 55–85.

Труфанова, 2017a – *Труфанова Е.О.* «Ситуационное знание» и идеал объективности в науке // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2017. Т. 54. № 4. С. 99–110.

Труфанова, 2018 – *Труфанова Е.О.* Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+, 2018. 320 с.

Труфанова, 2017b – *Труфанова Е.О.* Ускользающая реальность и социальные конструкции // *Философия науки и техники.* 2017. Т. 22. № 1. С. 61–77.

Филлипс, Йоргенсен, 2004 – *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитар. центр, 2004. 336 с.

Фромм, web – *Фромм Э.* Марксова концепция человека. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/fromm01/> (дата обращения: 14.04.2018).

Энгельс, 1966 – *Энгельс Ф.* Письмо Энгельса Францу Мерингу в Берлин 14 июля 1893 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. М.: Политиздат, 1966. С. 82–86.

Яковлева, 2017 – *Яковлева А.Ф.* Научная деятельность: проблемы трансформации (этические и социальные аспекты) // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2017. № 40. С. 144–152.

Aries, 1962 – *Aries P.* Centuries of Childhood: A Social History of Family Life. N. Y.: Vintage Books, 1962. 447 p.

Barrett, 1992 – *Barrett M.* The politics of truth. From Marx to Foucault. Cambridge: Polity Press, 1992. 204 p.

Burr, 1998 – *Burr V.* Overview: Realism, Relativism, Social Constructionism and Discourse // *Social Constructionism, Discourse and Realism. Inquiries in Social Construction / Ed. by I. Parker. L.; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE, 1998. P. 13–26.*

Davies, Harré, 1990 – *Davies B., Harré R.* Positioning: the discursive production of selves // *Journal for the Theory of Social Behaviour.* 1990. Vol. 20. No. 1. P. 43–63.

Hartstock, 1983 – *Hartstock N.* The Feminist Standpoint: Developing the Grounds for a Specifically Feminist Historical Materialism // *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Methodology and Philosophy of Science.* Dordrecht, 1983. P. 283–310.



- Laclau, Mouffe, 1985 – *Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L.; N. Y.: Verso, 1985. 240 p.
- Mills, 1988 – *Mills Ch.W.* Alternative Epistemologies // *Social Theory and Practice*. 1998. Vol. 14. No. 3. Special Issue: Marxism-Feminism: Powers of Theory/Theories of Power. P. 237–263.
- Rose, 1983 – *Rose H.* Hand, Brain and Heart: A Feminist Epistemology for the Natural Sciences // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1983. Vol. 9. No. 1. P. 73–90.
- Smith, 1974 – *Smith D.* Woman's Perspective as a Radical Critique of Sociology // *Sociological Inquiry*. 1974. Vol. 44. No. 1. P. 7–13.

References

- Agazzi, E. *Nauchnaya ob'ektivnost' i ee konteksty* [Scientific objectivity and its contexts]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2017. 688 pp. (In Russian)
- Althusser, L. "Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya)" [Ideology and ideological state apparatuses (notes towards an investigation)], *Neprikosnovennyi zapas*, 2011, vol. 77, no. 3, pp. 14–58. (In Russian)
- Aries, P. *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life*. New York: Vintage Books, 1962. 447 pp.
- Barrett, M. *The politics of truth. From Marx to Foucault*. Cambridge: Polity Press, 1992. 204 pp.
- Burr, V. "Overview: Realism, Relativism, Social Constructionism and Discourse", in: Parker, I. (ed.). *Social Constructionism, Discourse and Realism. Inquiries in Social Construction*. London; Thousand Oaks; New Dehli: SAGE, 1998, pp. 13–26.
- Davies, B., Harré, R. "Positioning: the discursive production of selves", *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 1990, vol. 20, no. 1, pp. 43–63.
- DeBlasio, A. "Novye tendentsii v al'ternativnykh epistemologiyakh" [New trends in alternative epistemologies], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2010, vol. 23, no. 1, pp. 160–172. (In Russian)
- Engels, F. "Pis'mo Engel'sa Frantsu Meringu v Berlin 14 iyulya 1893" [Letter from Engels to Franz Mehring in Berlin. London, July 14, 1893], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd Ed. Vol. 39. Moscow.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1966, pp. 82–86. (In Russian)
- Phillips, L., Jorgensen, M. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Kharkov: Izd-vo Gumanitarnyi tsentr Publ., 2004. 336 pp. (In Russian)
- Fromm, E. *Marksova kontseptsiya cheloveka* [Marx's concept of man]. [<http://psylib.ukrweb.net/books/fromm01>, accessed on 14.04.2018] (In Russian)
- Gramsci, A. *Tyuremnye tetradi* [The prison notebooks]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991. 560 pp. (In Russian)
- Hartstock, N. "The Feminist Standpoint: Developing the Grounds for a Specifically Feminist Historical Materialism", in: Harding, S., Hintikka, M. (eds.). *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Methodology and Philosophy of Science*. Dordrecht: Reidel, 1983, pp 283–310.



Laclau, E., Mouffe, Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London; New York.: Verso, 1985. 240 pp.

Lukács, G. *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovaniya po marksistskoi dialektike* [History and Class Consciousness. Research in Marxist dialectics]. Moscow: Logos-Al'tera Publ., 2003. 416 pp. (In Russian)

Marx, K. “Nemeckaya ideologiya” [German ideology], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya. 2nd ed.* [Works], vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955, pp. 7–544. (In Russian)

Marx, K. “Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859” [Economic manuscripts 1957–1959], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya. 2nd ed.* [Works], vol. 46, 1955, pp. 1–560. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1968. (In Russian)

Mezhuev, V. M. “Marks kak teoretik istorii, obshchestva i kul'tury” [Marx as a theoretician of history, society and culture], in: Mezhuev, V. M. *Marks protiv marksizma. Stat'i na nepopuljarnuju temu* [Marx against Marxism. The papers on the unpopular subject]. Moscow: Kul'turnaya revoljuciya Publ., 2007, pp. 55–85. (In Russian)

Marx, K. “K kritike politicheskoi ekonomii” [A Contribution to the Critique of Political Economy], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya. 2nd ed.* [Works], vol. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1959, pp. 1–167. (In Russian)

Marx, K. Tezisy o Feiervakhe [Theses on Feuerbach], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya. 2nd ed.* [Works], vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955, pp. 1–4. (In Russian)

Mills, Ch. W. “Alternative Epistemologies”, *Social Theory and Practice. Special Issue: Marxism-Feminism: Powers of Theory/Theories of Power, 1998*, vol. 14, no. 3. pp. 237–263.

Rose, H. “Hand, Brain and Heart: A Feminist Epistemology for the Natural Sciences”, *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 1983, vol. 9, no. 1, pp. 73–90.

Smith, D. “Woman's Perspective as a Radical Critique of Sociology”, *Sociological Inquiry*, 1974, vol. 44, no. 1, pp. 7–13.

Trufanova, E. O. “«Situatsionnoe znanie» i ideal ob'ektivnosti v nauke” [“Situating knowledge” and the ideal of objectivity in science], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2017, vol. 54, no. 4, pp. 99–110. (In Russian)

Trufanova, E. O. *Sub'ekt i poznanie v mire sotsial'nykh konstruksiy* [The subject and cognition in the world of social constructions]. Moscow.: Kanon+ Publ., 2018. 320 pp. (In Russian)

Trufanova, E. O. “Uskol'zayushchaya real'nost' i sotsial'nye konstruksii” [Elusive reality and social constructions], *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2017, vol. 22, no. 1, pp. 61–77. (In Russian)

Yakovleva, A. F. “Nauchnaya deyatelnost': problemy transformatsii (eticheskie i sotsial'nye aspekty)” [Scientific activity: problems of transformation (ethical and social aspects)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya / Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 40, pp. 144–152. (In Russian)